

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.46>

Донцова Анастасия Анатольевна

КОМПОЗИЦИОННО-СТРУКТУРИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА

В данном исследовании производится анализ композиционно-структурирующих потенций внутреннего монолога как специфического способа представления компонентов концептуально-валерной системы автора. Характеризуются современные точки зрения на дефиницию данного феномена. Научная новизна работы состоит в рассмотрении внутреннего монолога как способа хронологического наложения без четкой привязки к синтактико-грамматическому оформлению. В рамках предпринятого исследования производится типизация различных способов вербализации внутреннего монолога на основе критериев структурно-грамматического оформления описываемой рефлексивной ситуации. Наиболее эффективным способом представления психомотивного пространства признается смешанный тип вербализации, сочетающий авторскую речь, несобственно-прямую и прямую.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 218-221. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'33

Дата поступления рукописи: 27.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.46>

В данном исследовании производится анализ композиционно-структурирующих потенций внутреннего монолога как специфического способа представления компонентов концептуально-валерной системы автора. Характеризуются современные точки зрения на дефиницию данного феномена. Научная новизна работы состоит в рассмотрении внутреннего монолога как способа хронотопического наложения без четкой привязки к синтактико-грамматическому оформлению. В рамках предпринятого исследования производится типизация различных способов вербализации внутреннего монолога на основе критериев структурно-грамматического оформления описываемой рефлексивной ситуации. Наиболее эффективным способом представления психоэмотивного пространства признается смешанный тип вербализации, сочетающий авторскую речь, несобственно-прямую и прямую.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; психологизация; внутренний монолог; трансляция компонентов авторской концептуально-валерной системы; хронотопическое наложение; автор/персонаж.

Донцова Анастасия Анатольевна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
nancy-ru@mail.ru

КОМПОЗИЦИОННО-СТРУКТУРИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА

На настоящий момент в когнитивной лингвистике разрабатываются вопросы, связанные с механизмами трансляции концептуально-валерной системы автора в рамках отстраненной вербализации. Особенно актуальным является прием внутреннего монолога как наиболее эффективный способ экспликации авторского «Я» в несобственно-прямой речи с повышением степени психологизации повествования. Данная тактика особенно широко представлена в художественном дискурсе. Стратегии и тактики внедрения отдельных компонентов индивидуально-авторской концептуально-валерной системы в общелингвокультурную картину мира представляют собой весьма **актуальную** проблему, несмотря на это, её теоретический анализ до сих пор не осуществлялся в рамках когнитивной лингвистики с включением компонентов теории психологизации. Многогранность и значимость рассматриваемого феномена обусловлены спецификой его функционирования на стыке различных направлений когнитивной науки (лингвистики, психологии, герменевтики).

Основной **целью** настоящего исследования является анализ возможностей внутреннего монолога как одного из действенных средств структурирования генерализованной иллокутивной цели художественного произведения. В качестве частных **задач** мы видим: 1) описание современного состояния проблемы иноречевой экспликации авторской концептуально-валерной системы; 2) анализ категориальных признаков исследуемого вербально-ментального феномена; 3) описание когнитивных механизмов вербализации отстраненности/присутствия автора в речи персонажа.

Решение вышеозначенных задач позволит делимитировать тактику внутренней монологизации в ряду других средств психологизации повествования и в дальнейшем произвести классификацию различных приемов реализации личностного компонента в чужой речи. **Научная новизна** представлена расширением понимания внутреннего монолога как средства структурирования генерализованного художественного смысла, а также прояснением когнитивных механизмов хронотопического наложения.

Единого мнения по вопросу психоэмотивного потенциала свободной косвенной речи (*discours indirect libre*) [2] не сформировалось ни в отечественной, ни в западноевропейской традиции. Многие ученые придерживаются мнения, что под данным феноменом необходимо понимать не только форму вербализации, но и специфическую ментальную конструкцию, позволяющую органично совмещать два «голоса» в художественной речи, обеспечивать вторичную отстраненность автора. М. М. Бахтин предлагает считать этот критерий «двуголосости» одним из ключевых категориальных признаков внутреннего монолога [3]. В аспекте подобного наложения происходит и слияние нескольких компонентов в условиях четырехмерного смыслового хронотопа, с одновременным вовлечением некоторых констант смыслопорождения: субъективности, модальности, контекстуальности [4].

В психологическом художественном тексте как эмотивном потоке речи разделяется авторская и персонажная речь, при этом последняя четко делимитируется от речи «от автора» и получает формальные признаки «чужого» текста. Подобные включения ярко высвечивают общейтральный фон авторского повествования и «инкрустируют» текстовую ткань. Внутренний монолог может оформляться как внешне-произнесенная безадресатная речь и внутренне-произнесенная речь, оба способа экспликации органично связаны друг с другом (второй представляет собой логическое развитие первого в рамках повышения уровня рефлексии в тексте). Второй вид при этом участвует в общем коммуникативном акте текстового пространства, но исключается из коммуникативного пространства конкретной ситуации персонажного общения, нося специфический аллюзивно-самонаправленный характер.

Внутренняя речь как средство психологизации художественного текста имеет ряд критериальных признаков, отличающих её от субъективной, ассоциативной, усеченной и диффузной внутренней речи как ментальной трансформации образно-понятийного суждения в недискретное, она способна к «квантовым скачкам» (переходам от исходной посылки к выводам вне «озвучивания»), но в рамках осознания аргументативной базы), суждение на основе акустических образов. Внутренней художественной речи свойственно нивелирование данных характеристик в условиях более развернутой экспликации ментального пространства (за исключением текста потока сознания). Это можно объяснить принципиальной невозможностью точного воспроизведения в вербальном устном или письменном коде внутренней речи как таковой, в качестве специфического психического феномена, художественное пространство лишь предлагает опосредованную средствами языковой системы имитацию последней.

Ключевым моментом является делимитация двух принципиально разных возможностей в оформлении хронологической оппозиции «автор/персонаж», в зависимости от степени интенциональной отстраненности приобретающей вид «продуцент – действующие лица порожденного текста» либо «действующие лица порожденного текста – продуцент» [5, с. 36]. Если автором художественного текста задействуется первая модель, то осуществляется прямая экспликация компонентов собственной концептуально-валерной системы в устах персонажа. При этом с точки зрения самого автора дается анализ происходящих с персонажем событий, проводится аксиологический анализ его состояния, переживаний, т.е. описание осуществляется на основе собственных ценностных ориентаций и предметного и рефлексивного опыта. В рамках противоположной модели рефлексия осуществляется в скрытой за персонажным образом форме, глубинные смыслы эксплицирует уже не сам автор, а анализ содержания сознания вербализуется самим персонажем. При подобной форме внутреннего монолога компоненты концептуально-валерной системы автора, стоящего за художественным произведением, «вкладываются в уста» героя, т.е. происходит предельно возможное отстранение автора от аксиологического пространства событий, описываемых в тексте. В этой связи можно говорить об описанных Э. Г. Ризель персональной несобственно-прямой (*personale erlebte Rede*) и аукторальной несобственно-прямой речи (*auktorale erlebte Rede*) [10, S. 144], которые и являются вербальными маркерами двух наиболее распространенных моделей представления внутреннего монолога в художественном тексте.

В обоих случаях можно говорить о единых категориальных признаках, делимитирующих внутренний монолог, – это нивелировка видимого вмешательства повествователя и сокрытие прямой диалогичности. Различные модели введения индивидуально-авторского ценностно-ориентационного пространства обусловлены разными иллокутивными целями. Первая модель «продуцент – действующие лица порожденного текста» реализует в качестве иллокутивной доминанты экспликацию психоэмотивной сферы, вторая модель «действующие лица порожденного текста – продуцент» актуализирует интеллективно-аксиологические компоненты ментального пространства.

Современное положение дел позволяет многим исследователям отождествлять понятия внутреннего монолога и несобственно-прямой речи. Так, словарь лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой определяет несобственно-прямую речь как «то же, что монолог внутренний» [1, с. 267] – «несобственно-прямая речь и пережитая речь, лингвистический прием для изображения внутренних переживаний персонажа» [Там же, с. 239]. Происходит это по причине возведения в Абсолют формальных признаков внутреннего монолога не как тактики имплицитного внедрения компонентов авторской концептуально-валерной системы, но как литературного стилистического приема, например, в работе Т. В. Жеребило: «...способ передачи чужой речи, в котором совмещаются грамматические признаки прямой и косвенной речи; связь между чужой речью и словами автора бессоюзная» [7, с. 218].

В нашей работе мы под внутренним монологом понимаем специфический способ экспликации внутренней речи автора/персонажа без четкой привязки к синтактико-грамматическому оформлению, имеющий целью с помощью наложения хронологических фокусов в условиях сохранения относительной автономности художественных образов персонажа и автора транслировать ассоциативно-эмотивные элементы авторской картины мира, реализуемые в различных речеповеденческих стратегиях авторско-персонажного диссоциативного пространства и маркируемые внутренними и внешними факторами, повышающими степень психологизации текста [8, с. 137]. Такая дефиниция внутреннего монолога дает возможность классифицировать его виды на основе критериев структурно-грамматического оформления описываемой рефлексивной ситуации.

Первым и наиболее часто встречающимся приемом в художественном тексте выступает реализация внутреннего монолога при помощи внутренней прямой речи:

Ева немедленно пошла в кухню и принялась изучать содержимое коробки с мощными средствами.

И что же отчистит пятно от консервированного томатного супа с расшитого шелкового полотна?

Во время поисков Ева увещевала себя:

– Ты сама виновата. Надо было хранить стул в своей спальне. Ты выставила его в гостиной на всеобщее обозрение из чистого тщеславия. Хотела, чтобы гости замечали твой шедевр и хвалили его, а ты бы доверительно сообщала, что на вышивку ушло целых два года, а вдохновлял тебя шедевр Клода Моне «Плакучая ива и пруд с водяными лилиями».

На одни только деревья ушел год [9, с. 5].

Данный пассаж можно рассматривать как прямую речь без явного адресата, сопровождаемую пояснением автора. Зачастую смысловое ударение в подобных высказываниях приобретает именно форму внутренней прямой речи и имеет соответствующее оформление. Однако следует подчеркнуть, что автор с помощью

лексико-семантических или же синтаксических средств дает понять, что компоненты концептуально-валерной системы приписываются именно персонажу.

При этом вариации в выборе приемов реализации передачи внутренней прямой речи в психологическом художественном произведении полностью основаны на типе повествования, избранном автором. Реципиент зачастую наблюдает условное противопоставление «речи автора» персонажному внутреннему монологу. В данном случае повествователь-рассказчик не идентичен собственно автору текста. Взаимоотношения рассказчика, описывающего художественную предметную ситуацию, с собственно автором-нарратором, производящим вербальную рефлексию над генерализованным виртуальным художественным миром (демонстрирующим ту или иную степень абстрагирования), весьма многообразны и сложны: 1) от отсутствия четкого противопоставления (диегетический нарратор), которое в любом случае не предполагает абсолютного стопроцентного отождествления, по причине обязательного присутствия элементов художественного вымысла; 2) до отграничения автора от экзегезиса (присутствия его только в плане повествования, но не как объекта, а как субъекта) (недиегетический нарратор), когда осуществляется лишь функция презентации и контроля опредмечивания ситуации.

Другим способом оформления внутреннего монолога является экспликация психоэмотивного пространства автора в его размышлениях при помощи несобственно-прямой речи:

Ева обдумала этот обмен репликами. С чего бы после поездки в Лидс и обратно требовался душ? Неужели воздух на севере особо загрязненный? Или же Брайан потел на трассе? Проклинал грузовики? Кричал на не соблюдающих дистанцию водителей в потоке? Злобно поносил погоду [Там же, с. 7]?

В данном случае иллюкутивной целью, преследуемой автором-повествователем, чаще всего является прямое неассоциативное представление внутренних переживаний героя, совпадающих с собственным аксиологическим пространством в восприятии предметной или рефлексивной ситуации.

В рамках внедрения индивидуально-личностных обертонов концептуальной иерархии можно отметить за несобственно-прямой речью достаточно широкие потенции психологизации повествования. Происходит это по причине повышения степени эмотивной нагруженности текста по сравнению с авторской ремаркой при сохранении специфических признаков передачи речи другого лица на лексическом и синтаксическом уровнях. Выстраиваемое данным способом максимально яркое и развернутое, эмотивное коммуникативное действие и вербализованная рефлексия автора над характеристиками персонажа представляют собой один из ключевых инструментов авторской речи в рамках раскрытия глубинного психоэмотивного смысла произведения. Следует подчеркнуть многообразие и сложность форм и функциональной прагматики несобственно-прямой речи в психологическом художественном тексте. Таковой осложненной формой представляется контаминация различных форм представленности, т.е. третий способ вербализации внутреннего монолога.

Третьим случаем реализации внутреннего монолога является частичная экспликация компонентов концептуально-валерной системы автора в несобственно-прямой речи персонажа с дополнительным прояснением в авторских ремарках и прямой речи персонажа:

После ухода свекрови Еве показалось, будто мебель надвигается на нее. Она натянула одеяло на голову и постаралась успокоиться.

Ева думала:

– Нет чувства юмора? С чего бы мне смеяться, когда Брайан и его мать гогочут над тем, что с кем-то произошел несчастный случай или неудача? Или мне стоило похихикать, когда Брайан представил меня словами: «А вот моя беда и несчастье – транжирит мои деньги подчистую, но зато моя собственность на всю жизнь»?

Оно и к лучшему, что свекровь отказала ей в помощи. Ивонн наверняка стала бы критиковать цвет и консистенцию фекалий невестки – невыносимая перспектива. Ева почувствовала, что чудом избежала кошмарной участи, и рассмеялась, да хохотала так долго, что одеяло спало с нее и сползло на пол [Там же, с. 85].

Авторские ремарки вкупе со свободной вербализацией непосредственной оценки автора-повествователя с частым совмещением с повествованием от первого лица дают четкое указание на индивидуально-личностные ценностные ориентации продуцента текста. Несобственно-прямая речь, соседствующая с ремарками, позволяет эмотивно выделить абстрактный логический центр пассажа, эксплицирующего рефлексивную ситуацию, а прямая безадресатная речь выявляет личностные коннотативно-ситуативные обертоны персонажа, т.е. создает привязку к герою и конкретной художественной ситуации.

Данный прием дает возможность в структурировании рефлексивной и текстовой реальности описывать одни и те же предметные эмотивные ситуации в рамках двухфокусной амфиболии (с «субъективной» и «объективной» точек зрения), придавая большую глубину и значимость концептуальным единицам общего авторско-персонажного хронопоического среза.

При последовательно эксплицируемых в различных формальных типах компонентов авторской концептуально-валерной системы текст строится на абстракции третьего уровня, по уже ставшей классической схеме вербализации С. Н. Бредихина. Как и концептуализированное понятие проходит свой путь от воспринимаемого феномена, через неотрефлектированный конструктор в рефлексивной реальности единичного продуцента, вербализуясь в языковых структурах и формируя понятие вербализованное, переживаемое и осваиваемое всеми членами лингвокультурного сообщества, и повторно распределенное и вербализуемое в качестве ре-опредмеченного концептуализируемого понятия [6, с. 640], так и личностные компоненты психоэмотивного смысла, рождаемые у автора, предлагаются «на суд» персонажей, опредмечиваются в их речи и проходят повторное распределенное в рефлексивных пассажах внутренних монологов, создавая концептуальное пространство художественного текста.

При наличии в художественном произведении целого ряда экспликаторов внутреннего монолога – внутренней прямой, несобственно-прямой, косвенной речи и авторских ремарок – в сравнительном аспекте в их органичном взаимодействии и повышенной частотности употребления мы можем говорить о предельно психологизированном тексте, построенном на рефлексии третьего уровня абстракции.

Таким образом, на основе анализа эмпирического материала можно сделать **вывод**, что в литературных произведениях, призванных эксплицировать предельную авторскую рефлексивность (особенно это характерно для психологической прозы конца XX – начала XXI века), присутствует множество пассажей с различными видами внутреннего монолога. Определенное психозмотивной сферы продуцента происходит в тревогах, размышлениях, душевных терзаниях героя. Именно в этих трех вышеозначенных приемах реализации внутреннего монолога и осуществляется трансляция отдельных компонентов концептуально-валерной системы автора на широкую аудиторию, попытка встроить их в единую разделенную систему лингвокультурного сообщества. При этом с использованием первой формальной модели реципиент сталкивается с так называемым героем-рассказчиком, когда очевидное различие авторского и персонажного «Я» не происходит, но за ремарками видится отношение продуцента текста к описываемым событиям. Для внутреннего монолога, выстроенного на основе второй формальной модели, характерным можно считать имманентно заданное с помощью несобственно-прямой речи отождествление авторской и персонажной концептуально-валерных систем. Третья формальная модель в качестве наиболее полного маркера-экспликатора позволяет не просто разграничить концептуальные пространства и коммуникативные личности автора и персонажа, она зачастую представляет собой оппозиционную демонстрацию компонентов ценностно-ориентационного пространства. Данная модель позволяет четко структурировать как общую композицию художественного произведения, так и иерархически выстроить элементы концептосферы текста, выдвигая на первый план либо авторский, либо персонажный фокус.

Список источников

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
2. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Просвещение, 1995. 416 с.
3. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. **Бредихин С. Н.** Металогические формы мышления и смыслопорождение парадоксальных высказываний [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=10576> (дата обращения: 24.03.2019).
5. **Бредихин С. Н.** Феноменологическая рефлексия как основа понимания многомерного смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 2. С. 34-37.
6. **Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р.** Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-3. С. 639-643.
7. **Жеребило Т. В.** Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 488 с.
8. **Серебрякова С. В.** Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1 (54). С. 137-143.
9. **Таусенд С.** Женщина, которая легла в кровать на год. М.: Фантом Пресс, 2014. 350 с.
10. **Riesel E.** Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. M.: Hochschule, 1974. 184 S.

COMPOSITION STRUCTURING POTENTIAL OF INTERNAL MONOLOGUE

Dontsova Anastasiya Anatol'evna
North-Caucasus Federal University, Stavropol
nancy-ru@mail.ru

The article analyses the composition structuring potentials of internal monologue as a specific way of representing the components of the author's conceptual and value system. The definition of the phenomenon is viewed from modern standpoints. Scientific novelty of the work consists in the consideration of internal monologue as a method of chronotope overlay without any direct association with syntactic and grammatical execution. Within the framework of the undertaken research, various ways of internal monologue verbalization are typified on the basis of the criteria of the structural and grammatical execution of the described reflexive situation. The combined type of verbalization that incorporates the author's, free indirect and direct speech is claimed to be the most efficient way of psycho-emotive space representation.

Key words and phrases: fiction text; psychologization; internal monologue; translation of components of author's conceptual and value system; chronotope overlay; author/personage.